

V. ЗАМЕЧАНИЯ М. П. ПОГОДИНА
НА «МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ ПУШКИНА»
П. В. АННЕНКОВА*

В архиве М. П. Погодина, хранящемся в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина, имеется черновик письма Погодина к П. В. Анненкову; он заключает в себе замечания на присланные последним «Материалы для биографии Пушкина» — первый том собрания сочинений Пушкина издания Анненкова¹.

О чтении этого тома есть записи в дневнике Погодина. 31 января 1855 г. он записал: «Читал Пушкина и приписывал, что помнил. Был очень рад». 1 февраля: «Всё утро с великим удовольствием за биографией Пушкина; вспоминал и плакал»².

Публикуемое ниже и является черновыми записями Погодина при чтении биографии Пушкина, написанной Анненковым. Вздолбанный чтением, вызвавшим в сознании воспоминания о великом поэте, с которым Погодин имел счастье близко общаться, он набросал несколько общих замечаний, частью намеками, не всегда поддающимся расшифровке. Это «вступление» мы печатаем полностью. Высказанного здесь намерения написать очерк истории своего знакомства с Пушкиным Погодин не осуществил. Через десять лет, посылая в «Русский архив» свои воспоминания о чтении Пушкиным в 1826 г. «Бориса Годунова», Погодин писал П. И. Бартеневу: «Вы требуете у меня настоятельно записок о Пушкине. Я обещал их уже несколько лет тому назад П. В. Анненкову, которого биография доставила мне тогда большое удовольствие. Но что делать, я не имел времени до сих пор приняться за них»³.

После «вступления» Погодин набросал заметки к отдельным местам книги в порядке ее страниц, проставляя цифры последних.

Чтение книги Анненкова вызвало со стороны Погодина пятьдесят одно замечание. Из них мы печатаем семнадцать наиболее содержательных. Остальные замечания или чисто стилистические (так, Погодину не понравилось слово «утеряна», «потому что мысль очень хорошо выражается глаголом: затеряться» — к стр. 19) или замечания вроде: «Желательны подробности о его матери» (к стр. 3), «Ольга Сергеевна должна помнить, писал ли дома ее брат русские стихи» (к стр. 15) и т. п.

Публикуемые заметки Погодина при всей их, часто досадной, краткости, дают ряд любопытных мелочей, которыми не может пренебрегать биограф Пушкина.

Лейтесь сладостные звуки, теките струей. Утешайте. Разливайте радость, удовольствие, веселие. Это биография, которую слишком скромно Вы назвали материалами, литературная, для публики, для общества. Нужно другое издание — ученое, критическое, с указанием всех источников. Слезы не раз показывались на глазах моих. Благодарность, благодарность, честь Вам и слава. Превосходное издание, превосходен порядок — в типографском отношении, в литературном, в общественном, в историческом, в научном.

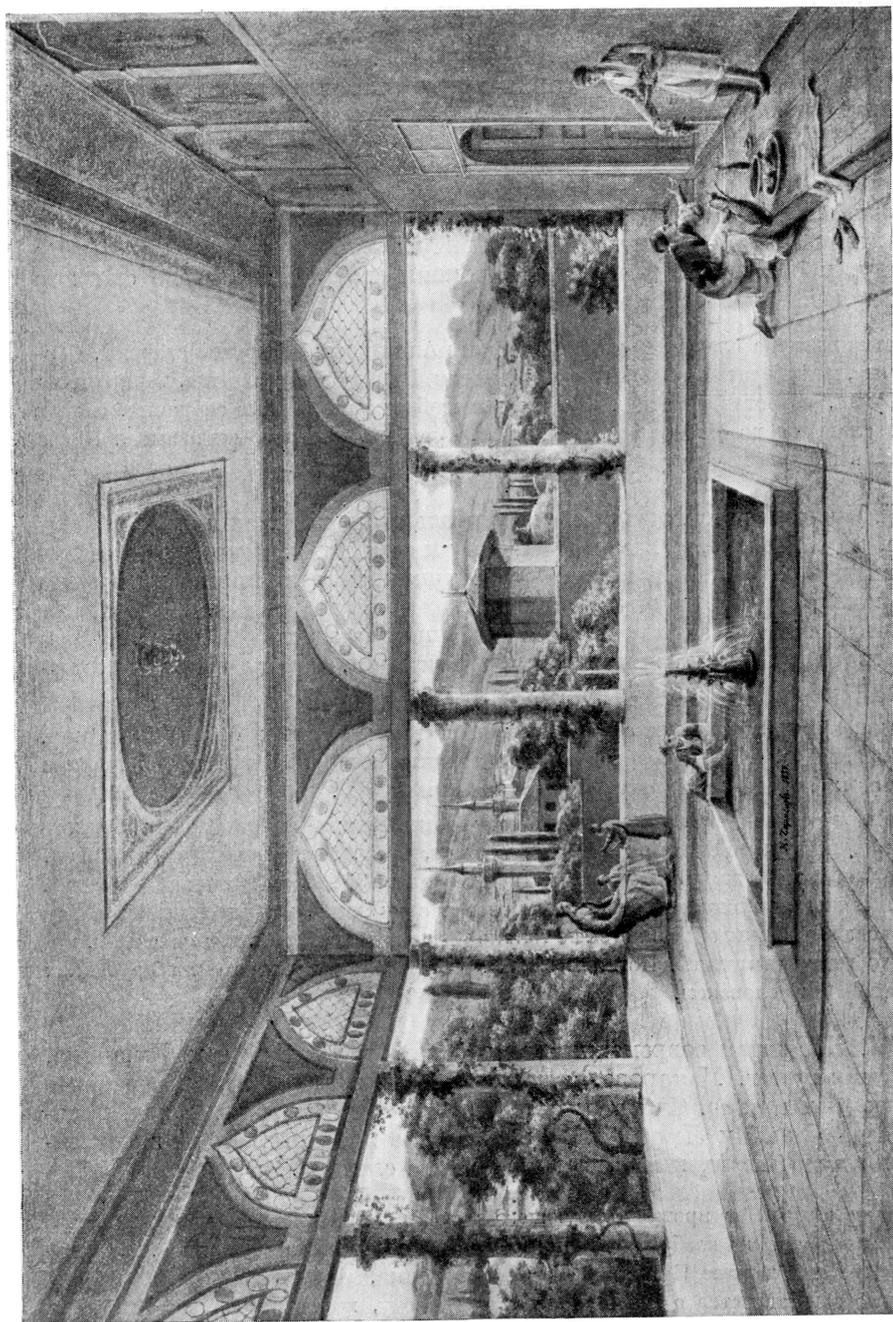
Об эпиграмах его надо заметить: это литературные вспышки — и для острого словца; если Карам<зин>, Жук<овский>, Пушк<ин>, то Качен<овский>, Надежд<ин>, Раич, Глинка, Свиныи...

Я не исполнил своего обещания и потому что было некогда и потому что не хотел на рынок...

Помнится, что Пушкин сказал в письме ко мне: Теперь еще ведь хуже. Нет никакого уважения, нет никакого чувства справедливости, одни отношения, часто самые...⁴

Я «Москвитянина» тяну только для того.

* Настоящая работа покойного М. А. Цявловского была выполнена им в 1946 г.

ВНУТРЕННИЙ ВИД БАХЧИСАРАЙСКОГО ДВОРЦА

Картина маслом Н. Г. Чернецова, 1837 г.

Собрание Н. П. Смирнова-Сокольского, Москва

Охота же явственная (?), а говоря о знакомстве со мною П(ушкина), я не мог ведь уклониться, как бы не стал жеманиться. Теперь видя доказательство и опыта Вашей деликатности, я передам Вам верно всё как материал, а Вы делайте из него употребление, какое хотите.

Я оставил свои занятия. Юбилей послужил мне переходом от политики⁵. Вы заставляете меня изменить. Бросаю всё. Я очень рад. Сперва замечания по порядку. Потом что припомню о стихотворениях. Потом о писательских сношениях.

С. 8. <...> Повар Василья Львовича Власий умер не в первую холеру, а гораздо после. Он готовил еще в 1838 году тот ужин, который давали мы Жуковскому, в проезд его через Москву с [государем]. По окончании стола мы представили повара Василью Андреевичу. Умер Влас — верный своему искусству, и отнюдь не торговцем. Ученики его услаждают до сих пор вкус московских гастрономов.

Заметка вызвана следующим местом в книге Анненкова: «С другой стороны, Сергей Львович, как и брат его, поэт Василий Львович, были душою общества, неистощимы в каламбурах, остротах и тонких шутках. Он любил многолюдные собрания, а брат его даже славился по Москве своим поваром, Власием, которого он называл Blaise и который в первую холеру умер в Охотном ряду, торговцем».

С. 14. Пушкин с сестрою учился танцевать в семействе князя И. Д. Трубецкого, на Покровке, близком к их дому и семейству. Княжны, ровесницы Пушкиным, рассказывали мне, что Пушкин всегда смешил их своими эпиграммами, собирая их около себя в каком-нибудь уголку. В этом доме я имел честь видеть часто мать и сестру Пушкина около 1820 года. Сестра славилась своим умом, живостью и характером, между своими подругами.

О знакомстве Пушкиных с Трубецкими в воспоминаниях сестры Пушкина, О. С. Павлицевой, сказано лишь: «Между тем родители возили их <детей> на уроки танцевания к Трубецким (князю Ивану Дмитриевичу)»⁶.

Речь идет о семье «действительного камергера» кн. Ивана Дмитриевича Трубецкого (ум. в 1827 г.) и жены его Екатерины Александровны, рожд. Мансуровой (ум. в 1831 г.), живших зимою в своем доме «комоды» на Покровке (теперь № 22), а летом под Девичьим⁷. И. Д. Трубецкой приходился троюродным братом отцу поэта, так что близость семей Пушкиных и Трубецких объясняется не только тесным знакомством, но и родством, которым в то время считались. Погодин в качестве учителя младшего сына Трубецких был у них своим человеком.

С. 34. Надеждам современников по поводу первых опытов Пушкина, по свидетельству г. Макарова, я не верю. Могли стихи нравиться более или менее — и только. Слава Пушкина, по крайней мере в Москве, начинается с «Руслана и Людмилы». До «Руслана и Людмилы», ни в университете, ни в гимназии, имя его не было даже слышно.

Погодин возражает против следующего места Анненкова: «Всем известно, что первые опыты Пушкина возбудили толки и ранние надежды современников. Г. Макаров в статье „О детстве Пушкина“ („Современник“, 1843, № 3) собрал весьма любопытные свидетельства о мнениях по этому поводу, ходивших в обществе. „Кто не помнит там (в „Российском музее“)», говорит он, „Воспоминания в Царском Селе“, „Послание к Батюшкову“ „К ***“ и проч. Тут светились дарования Пушкина ясно и проч.“».

Возражение Погодина нельзя признать основательным. В 1815 г., когда печатались в «Российском музее» эти стихотворения, он был гимназистом, с кругом писателей не общался и отзывов их о Пушкине знать не мог.

С. 45. Об этом предсказании я слышал от самого Пушкина. В 1827 г. дал он мне эпиграмму для напечатания в «Московском вестнике». Встретясь со мною вскоре по выходе книги, где эпиграмма была напечатана, он был очень доволен и сказал: «Однакож, чтоб не вышло чего из этой эпиграммы. Мне предсказана смерть от белого человека или белой лошади, а NN — и белый человек и лошадь».

О разговоре с Пушкиным по поводу эпиграммы на А. Н. Муравьева «Лук звенит, стрела трепещет» Погодин напечатал заметку «К предсказаниям о Пушкине» («Русский архив», 1870, № 10, стб. 1947).

С. 48. Пушкин, говоря о Карамзине, рассказывал мне однажды: часто находил я его за письменным столом с вытянутым лицом — вот так (при этом слове он вытягивал сам свое лицо). Он отыскивал какое-нибудь выражение для своей мысли. Так, Карамзин затруднялся выражением... Мудрено по русски писать хорошо и проч.

Замечание сделано по поводу следующего места в книге Анненкова: «Сам незабвенный Н. М. Карамзин, принимавший Пушкина часто в кабинете своего царскосельского дома, прочитывал ему страницы своего труда, беседовал с ним об отечественной истории и выслушивал мнения юноши, с снисхождением и свойственным ему добродушием».

Запись Погодина, еще раз подтверждая самое тесное общение Пушкиналицеиста с Карамзиным, допускавшим юношу к себе даже в часы своей работы, интересна тем, что говорит о живописующей мимике Пушкина. Слова: «мудрено по русски писать хорошо» — могли принадлежать и Карамзину, и Пушкину.

С. 52. Напрасно автор считает Каченовского представителем противоположного направления: Каченовский сам не написал никогда ни одной статьи — его доставало только на примечания, иногда забавные и острые. Против баллад и нового тона вооружился Мерзляков, о предисловии к «Бахчисарайскому фонтану» писал М. А. Дмитриев, на Пушкина напал Надеждин. Каченовский сам разобрал, слабо, односторонне, придиричливо, только предисловие Карамзина, и то с помощью двух французских переводов. Впрочем, надо заметить, что все нападения устремлены были против злоупотребления, преувеличения, излишков нового направления и несправедливости к старому, которое как будто забывалось и недостаточно уважалось. Истина была в середине.

Погодин возражает против следующего места у Анненкова: «Когда в двадцатых годах стали обнаруживаться в литературе нашей идеи романтизма, в противоположность идеям классицизма, то Арзамас и враждебное ему направление отделились еще резче и явственнее. Можно сказать, что идеи романтизма находились уже в Арзамасе прежде появления их в нашей литературе».

Сторона противудействующая нашла тогда представителя в „Вестнике Европы“, М. Т. Каченовского, и в столкновениях ее с новыми теориями искусства обнаружила последовательность, какой не было прежде. Споры происходили теперь уже преимущественно по поводу произведений Александра Сергеевича, как прежде предметом их были Карамзин и Жуковский».

С. 54. Надпись на портрете Жуковского была следующая: ученику-победителю от побежденного учителя в день окончания поэмы «Руслан и Людмила». Этот портрет висел в комнате Пушкина над письменным столом, во флигеле, что по переулку, дома г-жи Лобковой на Собачьей площадке, ныне этот дом принадлежит г. Левенталю. Портрет я видел в 1827 году, во время пребывания Пушкина в Москве.

Замечание вызвано следующим местом в книге Анненкова: «Известно, что после чтения последней из них (песни «Руслана и Людмилы»), Жуковский подарил автору свой портрет, украшенный надписью: „ученику от побежденного учителя“».

Надпись Жуковского была еще значительнее; вот ее текст: «Победителю ученику от побежденного учителя в тот высокаторжественный день, в который он окончил свою поэму „Руслан и Людмила“. 1820. Марта 26. Великая пятница». Впервые сообщение об этом подарке напечатано в статье Плетнева «А. С. Пушкин» («Современник», 1838, № 2, стр. 27)⁸. Подаренный Пушкину портрет Жуковского в настоящее время находится в Гос. музее Пушкина.

С. 65. О «Руслане и Людмиле» писал в «Вестнике Европы» А. Г. [Гавр] Глаголев, тогда магистр Университета, учитель (А. С.) Хомякова и князя Репнина⁹, человек ученый и образованный.

Замечание Погодина сделано по поводу следующего места в книге Анненкова: «Когда появился в „Сыне Отечества“ 1820 года (№№ XV и XVI) первый отрывок из „Руслана и Людмилы“, „Вестник Европы“ сделался эхом ужаса, возбужденного в некоторых людях этим вводом сказочного русского мира в область поэзии:

„Обратите ваше внимание на новый ужасный предмет, говорил он, возникающий посреди океана российской словесности... Наши поэты начинают пародировать Киришу Данилова... Просвещенным людям предлагают поэму, писанную в подражание Еруслану Лазаревичу“. Критик „Вестника Европы“ еще допускает собиранье русских сказок, как собирают и безобразные старые монеты, но уважения к ним не понимает. Выписав сцену Руслана с головой, критик восклицает: „Но увольте меня от подробного описания и позвольте спросить: если бы в Московское Благородное собрание как-нибудь втерся (предполагаю невозможное возможным) гость с бородою, в армяке, в лаптях и закричал зычным голосом: здорово ребята! неужели бы стали таким проказником любоваться?... Зачем допускать, чтоб плоские шутки старины снова появлялись между нами?“ („Вестник Европы“, 1820 г., № XI)».

Замечание Погодина вскрывает, наконец, автора чрезвычайно шумевшей в свое время статьи, вторую половину которой Пушкин привел в предисловии ко второму изданию «Руслана и Людмилы», часто цитируемой в наши дни. Издавна принято считать, что статья была написана Каченовским, но, как выше сообщил Погодин, Каченовский статей не писал. Утверждение Погодина, близкого в эти годы к «Вестнику Европы», не подлежит сомнению. Наконец, мы узнаем имя первого «гонителя» Пушкина.

Названный Погодиным А. Г. Глаголев — Андрей Гаврилович Глаголев (ум. в 1844 г.) — по окончании в 1816 г. словесного отделения Московского университета был избран членом-сотрудником Общества любителей российской словесности при Московском университете, а в 1821 г. — действительным членом этого общества. В этом же году Глаголев получил степень магистра, а в 1823 г. — степень доктора словесности. В 1823—1827 гг. он путешествовал по Западной Европе, результатом чего явилась книга «Записки русского путешественника» (СПб., 1837 и 1845 гг.). По возвращении в Россию служил в департаменте иностранных исповеданий. Глаголевым написан ряд книг и статей по теории словесности, этнографии, археологии и статистике (см. «Русский биографический словарь»). С А. Г. Глаголевым Погодин был близко знаком.

С. 86. Я, кончив только курс студенческий в университете, написал рецензию «Кавказского пленника» в «Вестнике Европы», без имени. Лет через десять, в разговоре, он упомянул об одном замечании, там помещенном: вот, сказал он, меня обвиняли за перестановку эпитетов — это несправедливо, и проч. Тогда я признался ему, что вина принадлежит мне. Приведу здесь заключение моей рецензии, которое не напечатал Каченовский:

Кажется, из нее и автор приводит несколько примеров, с. 104.

Речь идет о статье «О Кавказском пленнике» в «Вестнике Европы», 1823, № 1. Начинаящий литератор Погодин подписал свою рецензию лишь инициалами: М. П. В конце большой статьи с весьма положительной оценкой поэмы, но с решительной и подробной критикой характера пленника — «странного и вовсе непонятого», автор указывает «некоторые погрешности касательно языка» и среди них:

«Там холмов тянутся грядой
Однообразные вершины.

Слова расставлены, кажется, не ясно».

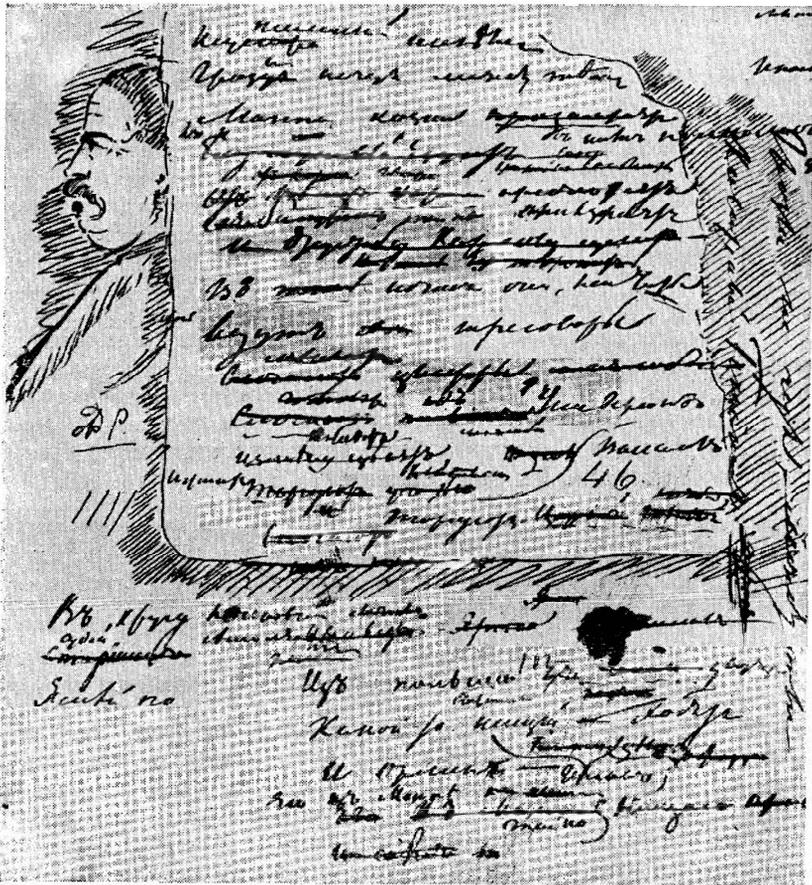

РИСУНОК ПУШКИНА НА ПОЛЯХ ЧЕРНОВОЙ РУКОПИСИ ПОЭМЫ
«ПОЛТАВА», 1828 г.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Любопытно, что критику характера пленника Пушкин предвидел и даже принял «Надеюсь, что критики не оставят в покое характера Пленника, он для них создан, душа моя», — писал поэт брату в октябре 1822 г. (XIII, 51). В предисловии ко 2-му изданию «Кавказского пленника» Пушкин писал: «Автор также соглашается с общим голосом критиков, справедливо осудивших характер пленника, некоторые отдельные черты и проч.» (IV, 367). Мелкий же упрек в непонятной инверсии, как видим, задел поэта и запомнился ему.

Заключение своей рецензии, не напечатанное Каченовским, Погодин не выписал, оставив в рукописи пробел. Анненковым приведены три указанные именно в статье Погодина «погрешности языка» Пушкина.

С. 103. О «Бахчисарайском фонтане» Пушкин сказал мне однажды: знаете ли, что я больше всего люблю в Фонтане — эпитаф. Одних уже нет, а другие странствуют далече.

Пушкин не раз утверждал, что эпитаф к «Бахчисарайскому фонтану» несравненно лучше самой поэмы. Так, в письме от 14 октября 1823 г. он писал Вяземскому: «„Бахчисарайский фонтан“, между нами,— дрянь, но эпитаф его прелесть» (XIII, 70). Даже в печати, в заметке, появившейся под названием «Отрывок из рукописи Пушкина (Полтава)» в альманахе «Денница на 1831 год», поэт писал: «Так и „Бахчисарайский фонтан“ в рукописи назван был хaremом, но меланхолический эпитаф (который, конечно, лучше всей поэмы) соблазнил меня» (XI, 165).

С. 118. О сцене самозванца с Мариной я слышал от него это самое.

Замечание сделано Погодиным по поводу следующего места у Анненкова: «...раз, возвращаясь из соседней деревни верхом, обдумал всю превосходную сцену свидания Дмитрия с Мариной в „Годунове“. Какое-то обстоятельство помешало ему положить ее на бумагу тотчас же по приезде, а когда он принялся за нее через две недели, многие черты прежней сцены уже изгладились из памяти его. Он говорил потом друзьям своим, восхищавшимся этой встречей страстного Самозванца с хитрой и гордой Мариной, что первоначальная сцена, совершенно оконченная в уме его, была несравненно выше, несравненно превосходнее той, какую он написал». В своих воспоминаниях о чтении Пушкиным у Веневитиновых «Бориса Годунова» Погодин писал, что Пушкин после чтения рассказывал «сцену, которую написал он, гуляя верхом, а потом позабыл вполнину, о чем глубоко сожалел»¹⁰.

С. 131. О «Цыганах» он сказал мне однажды: ах, какую бы критику я написал о «Цыганах». Их не понимают.

Об этих же словах Пушкина по поводу рецензий на «Цыган», появившихся вслед за изданием поэмы в 1827 г., писал Погодин Анненкову и в 1874 г. «Он видно досадовал,— прибавляет Погодин, вспоминая эти слова поэта,— что читатели его не понимают, а он сам не может раскрыть им свои цели»¹¹.

С. 139. О намерении написать Лжедмитрия я слышал. Он говорил и об одной сцене, в которую хотел ввести палача, который шутит с толпой.

Замечание Погодина вызвано следующим местом у Анненкова: «Так, обещание возвратиться к Шуйскому и к Марине подтверждается свидетельством коротких знакомых его, что он имел намерение написать хронику из жизни Шуйского, Лже-Дмитрия и нескольких сцен из междуцарствия, что составило бы полную картину избранной им эпохи». В воспоминаниях о чтении Пушкиным 12 октября 1826 г. «Бориса Годунова» у Веневитиновых Погодин писал, что после чтения трагедии Пушкин «начал рассказывать о плане для Дмитрия Самозванца, о палаче, который шутит с чернью, стоя у плахи на Красной площади в ожидании Шуйского»¹².

О стихах:

Готов уж исполнитель муки;
Вот засучил он рукава,
Вот взял уже секиру в руки...
Вот покатилась голова...

в поэме Рыльева «Войнаровский» Пушкин писал Вяземскому (25 мая 1825 г.): «У него есть какой-то там палач с засученными рукавами, за которого я бы дорого дал» (XIII, 184). Палача, который шутит, ожидая жертвы, Пушкин ввел в «Полтаву», см. стихи:

Средь поля роковой намост.
На нем гуляет, веселится
Палач и алчно жертвы ждет:

То в руки белые берет,
Играючи, топор тяжелый,
То шутит с чернию веселой (V, 47).

С. 152. Несколько песен о Стеньке Разине он читал нам после «Бориса Годунова» в 1826 г. Они были посланы к графу Бенкендорфу в 1828 г., что значится в ответном письме графа, которое отдал мне Пушкин [для пред] и которое верно цело у меня где-нибудь в бумагах. Песни о Разине написаны были, кажется, Пушкиным на основании народных песен.

Говоря об одном из списков стихотворений, составлявшихся Пушкиным при подготовке к печати сборника «Стихотворения А. Пушкина» изд. 1829 г. (список напечатан в книге: «Рукою Пушкина». М.—Л., 1935, стр. 238), Анненков писал: «Но для нас всего важнее в этой записке перечет утерянных или, по крайней мере, еще скрывающихся его стихотворений, которые и в бумагах его не находятся. Таковы послания: к гр. О*, к Р* и, наконец, коллекция песен о С. Разине, обозначенная в записке просто: „Песни о С. Разине“. Вероятно, что она принадлежала к тому собранию песен, часть которых послана была П. В. Киреевскому». Последнее предположение Анненкова неверно: собрание записей песен, сделанных Пушкиным и переданных им Киреевскому, теперь нам полностью известно. В этом собрании песен о Разине нет. Речь идет, конечно, о написанных самим Пушкиным песнях о Разине. О чтении этих песен 12 октября 1826 г. у Веневитиновых писал Погодин в воспоминаниях, напечатанных в «Русском архиве»: «Явилось шампанское, и Пушкин одушевился, видя такое свое действие на избранную молодежь. Ему было приятно наше волнение. Он начал нам, подавая жару, читать песни о Стеньке Разине, как он выплывал ночью по Волге на востроносой своей лодке»¹³. Три песни о Степане Разине: «Как по Волге реке, по широкой», «Ходил Стенька Разин» и «Что ни конский топ, ни людская моль» — были представлены Бенкендорфу при письме от 20 июля 1827 г., а не в 1828 г., как ошибочно утверждает Погодин. В ответном письме от 22 августа 1827 г. Бенкендорф извещал Пушкина: «„Песни о Стеньке Разине“, при всем поэтическом своем достоинстве, по содержанию своему не приличны к напечатанию. Сверх того церковь проклинает Разина, равно как и Пугачева» (XIII, 336). В своем дополнении к заметке Соболевского «Квартира Пушкина в Москве» Погодин писал: «Там <на квартире Соболевского.— М. Ц.>, при мне, получил он письмо от ген. Бенкендорфа с разрешением напечатать некоторые стихотворения и отложить другие. В этом письме упоминались песни о Стеньке Разине. Пушкин отдал его мне, и оно у меня цело». Письмо Бенкендорфа от 22 августа 1827 г. не могло быть получено Пушкиным на квартире Соболевского, так как Пушкин уехал из Москвы в Петербург 19 мая 1827 г. При Погодине Пушкин получил, очевидно, письмо Бенкендорфа от 4 марта 1827 г., где тоже идет речь о разрешении к печати стихотворений Пушкина, но среди них нет «Песен о Стеньке Разине».

К с 165 могу прибавить многое.

Замечание вызвано следующим местом в книге Анненкова: «Под действием этого снисходительного взгляда на людей, и внешние формы жизни должны были приобрести и особенное достоинство, и особенную прелесть. В обхождении Пушкина была какая-то удивительная простота, выпрямлявшая человека, и с первого раза устанавливавшая самые благородные отношения между собеседниками». Далее Анненков рассказывает о том, как принял Пушкин у себя Кольцова. В примечании на стр. 165—166 Анненков приводит ряд примеров, как Пушкин поощрял молодых поэтов (бар. Розена, Ершова, Губера).

С. 266. Точно так. Я сам слышал.

Замечание Погодина сделано, надо думать, по поводу слов Анненкова: «Позднее мы увидим, что Пушкин называл французов народом антипоэтическим, оставляя за ними только качество положительного народа. Особенно к новым поэтам их не имел

он никакого расположения, но для писателей Франции 17-го столетия было у него исключение».

С. 359. П<ушкин> читал мне статью о возмущении на Сенной площади и в Старой Руссе.

Воспоминание Погодина связано с рассказом Анненкова о намерении Пушкина издавать газету и со следующим сообщением его: «Некоторое время еще оставались в руках его друзей статейки, приготовленные им для газеты в виде образчика. Эти последние свидетели намерения его теперь сохраняются в бумагах его, как примеры мастерского изложения событий». И Анненков и Погодин имеют в виду «Материалы для заметок в газете „Дневник“», занятые главным образом описанием возмущения в Новгородских военных поселениях; там упоминается и возмущение в Старой Руссе (XII, 199—200).

М. Цявловский

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ ЛБ. Пог./I. 28, 19. В Отчете Румянцовского музея за 1909 г. М., 1910, стр. 16, рукопись № 3510 (41) неправильно названа как дополнения и поправки к статье П. И. Баргенева.

До нас дошло письмо Анненкова к Погодину от 4 февраля 1855 г. следующего содержания: «... Теперь Вы уже имеете экземпляр нового издания Пушкина, который я приказал Вам доставить. С нетерпением и волнением ожидаю, что вы скажете о лице биографией <!>, которое вам так было известно. Узнаете-ли или смутно оно? Для меня это важный вопрос» (ЛБ. Пог./II. 2.24/3). Сообщено Е. Н. Коношиной.

² Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 14. СПб., 1900, стр. 170.

³ «Русский архив», 1865, стб. 95.

⁴ Возможно, Погодин имеет в виду письмо к нему Пушкина от апреля 1834 г., кончающееся иронической оценкой журнальной полемики (XV, 124).

⁵ Разумеется столетний юбилей Московского университета в январе 1855 г. Об участии Погодина в юбилее см.: Н. Барсуков. Ук. соч., кн. 13. СПб., 1899, стр. 326—366.

⁶ «Летописи Гос. лит. музея», кн. I. Пушкин. М., 1936, стр. 454.

⁷ Там же, стр. 460.

⁸ См. также газ. «Русский», 1867, от 3 апреля, л. 7 и 8 и М. Цявловский. Книга воспоминаний о Пушкине. М., 1931, стр. 283—285.

⁹ Василий Николаевич Репнин (1806—1880) — сын генерал-губернатора Саксонского королевства (1813—1814), военного губернатора в Малороссии (1816—1834).

¹⁰ «Русский архив», 1865, стб. 99.

¹¹ Л. Майков. Пушкин. СПб., 1899, стр. 349.

¹² «Русский архив», 1865, стб. 99.

¹³ Там же, стб. 98—99.